

1.9.2000.
33

НЕБОЛЬШАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В ДОМЕ ШЕКСПИРА

Обитель Барда в новом-старом дизайне

Недавней 2007 - 2000 -
1 сент. - с 7.

Алексей Бартошевич

Я СНОВА в Стратфорде (спасибо Британскому совету). Слушаю доклады шекспироведов, смотрю спектакли на всех трех сценах Королевского Шекспировского театра. Доклады полны учености, постановки сделаны крепко, на совесть, в меру новы, в меру традиционны. Все идет, как обычно, как два года или лет сто назад. Российское сердце не может не радоваться этому величественному постоянству, спокойному дыханию уверенной в себе жизни. Ничего иного и не жлешь от Британии.

И кто бы мог подумать, что главную неожиданность приготовили путешественникам в том месте, которому сама природа вещей предназначила быть символом английской традиции, вещественным доказательством ее неизменности. Даже те, кто прежде приезжал в шекспировский город и бывал в домике на Хенли-стрит, где родился Бард, непременно приходят сюда, чтобы еще раз пройтись по низким темноватым комнатам, взглянуть на белые извествковые стены, пересеченные вкривь и вкось темными фахверковыми балками, и в меру отпущенной им фантазии нарисовать в своем воображении картины детства и юности Шекспира.

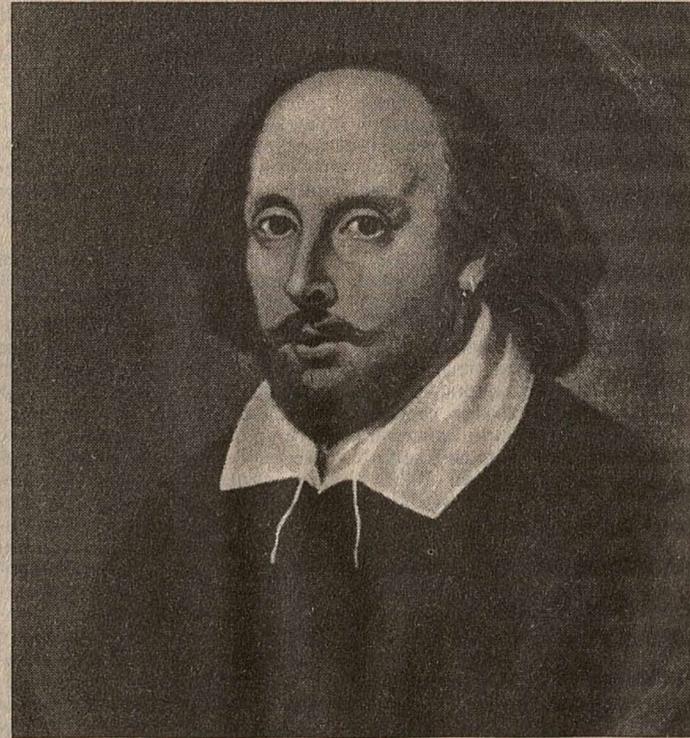
Знакомый всему миру интерьер, а с ним и вся атмосфера шекспировского дома совершенно преобразились. Произошло это совсем недавно, несколько месяцев назад. Стены жилых комнат теперь сверху донизу обиты пестрой тканью с крупными рисунками, изоб-

ражающими диковинных птиц, яркие цветы и деревья. Казалось бы, декор в доме поменяли, какие пустяки! Но здесь, в священной обители британского духа, эти пустяки — вроде революции.

Переворот в стратфордском святилище — не авантюра какого-нибудь смельчака-музейщика, он совершен в итоге долгих дискуссий, каждая новая деталь опирается на данные самых последних исследований. Можно поверить, что дом стратфордского перчаточника и городского головы Джона Шекспира выглядел в 1564 году именно так, как стал выглядеть этой весной. Но странное дело: вы никак не можете отделаться от ощущения недостоверности, не можете, как бы вы этого ни хотели, хоть на миг забыть, что перед вами — свеженький новодел или в лучшем случае прерафаэлитская стилизация в духе Уильяма Морриса.

Шекспировский дом, каким его видели целые поколения туристов, ученых, актеров, таким и сохранился в культурной памяти англичан и всего человечества, с течением веков приобрел свойство не подлежащей сомнению подлинности. Как сказано у Шекспира, Истина — дочь Времени.

Очищенное от вековой копоти здание парижского Нотр-Дам теряет аромат подлинности и начинает казаться новейшей американской копией европейского шедевра, гостем из Диснейленда. И сколько бы вы ни убеждали себя, что первостроители собора и жители средневекового Парижа видели его именно таким, каков он сейчас, и что пыль и грязь появлялись на фасаде с течением столетий, примириться с этим трудно. С утратой патины, покры-

Вильям Шекспир.

вающей старинную вещь, улетучивается ее обаяние, исчезает чувство ее удаленности во времени.

Представьте себе, что реставраторы восстановили краски, изначально покрывавшие античные статуи, и вы увидели Венеру Милосскую окрашенной в телесный розовый цвет и с вставленными в глазницы искусственными глазами. Никакие ссылки на исторические источники тут не помогут — вы будете возмущены святотатством, и ваше эстетическое чувство

будет оскорблено представшим перед вами безвкусным китчем — ведь ваши вкусы, как и вкусы ваших предков со времен Возрождения, были сформированы мраморной белизной статуй, и вам дела нет до того, что с них всего лишь слезла краска.

Что-то в этом роде недавно сделали с Сикстинской капеллой. Применив сложнейшие химические методы, потускневшим от времени краскам возвратили их первоначальную интенсивность,

и фрески Микеланджело стали резать глаза кричаще яркими тонами, навсегда утратив благородное «сфумато», а вместе с ним и дух укорененности в столетиях.

Вопрос в том, что считать подлинником — то, каким памятник культуры (будь то дом, картина или пьеса) видели свидетели его явления на свет, или то, чем он сделался, каким стал восприниматься в движущемся историческом времени. Не будем блуждать в дебрях проблемы «растущего смысла», оставим ее герменевтикам. Нам просто жаль, что хранителям стратфордского дома изменило чувство доброго британского консерватизма и они решились поставить историческую истину выше исторической традиции.

Впрочем, здесь и для возражения самому себе найдется место. Как писал Оскар Уайльд в заключении одной своей статьи: «Я никак не могу согласиться со сказанным мною выше». Люди в конце концов привыкнут к веселой пестроте стратфордских гобеленов точно так же, как они когда-то привыкли к строгости прежних стен. Время породит новую истину. Она будет казаться самоочевидной — пока не откопают еще какие-нибудь бесспорные исторические документы, и те еще раз изменят, пересоздадут образ прошлого. И снова людям жаль будет расставаться с привычкой, которая, как сказал наш классик, есть замена счастью.

И все же никакие рассуждения не могут избавить от чувства маленькой, но важной потери. Напрасно, ах, напрасно они это сделали!

Стратфорд-на-Эвоне
Москва

Шекспир Вильям